

Россіянинъ, желающій чашать и знакомиться съ обычаями, и языкомъ роднаго брата своего, впрочемъ въ Русской семьѣ названнаго Малороссіяниномъ? Ужь нечего говорить ни объ иноземцѣ, ни о потомствѣ. Вошь, что значить худое изданіе! оно опшнмаесть у литерашурной книги половину ея доспоишсва: пскажаесть языкъ.

А между сими двумя словами собрапамъ, и присловье Москвитянину и всѣмъ благомыслящимъ ревнителямъ всего Русскаго! Мы имѣемъ вѣрное извѣстіе отъ Г. *Кулеша*, что онъ не замедлитъ подарить насъ на Малороссійскомъ языкѣ поэмю, въ стихахъ, — *Украина*. Это собранная и спаянная эмѣснѣ народныя думы, наши *ranсodiu*, эти *disjecta membra* нашего Украинскаго сердца и ума народнаго, это — наша Илиада! Эпосъ сей будетъ раздѣленъ на три пѣсни: 1) до Хмѣльницкаго, 2) Хмѣльницкій, со всею драмою войны и борбы, и 3) отъ Хмѣльницкаго до конца Гешманщины. Не сомнѣваемся, что исполненіе будетъ доспойно пдеи: порука въ томъ паланшъ Г. Кулеша, его добросовѣстность и горячая любовь къ народной славъ. — Первый опдѣль, или выпускъ, уже поступилъ въ печать въ Кіевѣ.

Федоръ Китченко.

1845 Сентября 27.
Новгородсверскъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПО НѢКОТОРЫМЪ ВНУТРЕННИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ, М. ПОГОДИНА.

(Продолженіе) (*).

Дорога отъ Вологды до Кириллова. Кирилловъ, дорога до Бѣлозерска.

26 Августа (1841 года), съ благословеніемъ Преосвященнаго Пиннокенція, выѣхалъ я рано изъ Вологды. Пшкюгда не забуду я пребыванія своего въ этомъ городѣ. Душа моя отдохнула...

(*) Начало помѣщено въ Москвитянинѣ 1841 въ No 9, Продолженіе въ No 8-мъ 1842 года.

Мѣстоположеніе кругомъ города холмистое. На всякомъ шагу видишь вѣтренныя мѣльницы; фигурою онѣ, точно какъ рюмки: шорчатъ взгроможденные на тонкихъ подспавкахъ, и шого гляди, что слепящъ съ своихъ ушлыхъ донышекъ. Не онѣ ли произвели преданіе объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ?

Разговоръ начался у меня съ моимъ товарищемъ, Профессоромъ Савваишовымъ, разумѣлся съ Пр. Иннокенсія, которому онъ сопустпвоваль до Сольвычегодска при обозрѣніи Епархіи. П. Савваишовъ разсказаль мнѣ объ его проповѣдяхъ, между прочими объ одной на соловаренномъ заводѣ, о соли. «Соль разлиша вездѣ, брашіе, въ природѣ; въ воздухѣ есть соль, въ слезахъ, въ крови, въ землѣ; вы богаты этой послѣдней солью, — но есть еще другая соль, о которой говорилъ Спаситель: вы есть соль земли, и аще соль обуяешь, то чимъ осолитесь? Вошь этой соли желаю я вамъ, и хочу побесѣдовать съ вами» и проч. Въ одномъ двичьемъ монастырѣ Преосвященный избралъ предметомъ прршчу о десяти дѣвахъ, изъ коихъ пять было мудрыхъ и пять юродивыхъ. Какъ это ксшани! Могли-ль добрыя ошмельницы не бытъ поражены святыми словами, прямо какъ будто для нихъ сказанными онѣ Спасителя. «Всѣ десяти дѣвъ,» заключилъ проповѣдникъ, «ожидали прршесвія жениха; всѣ имѣли въ рукахъ свѣщильники; всѣ украсили ихъ, и пришли для вспрѣчи жениха. И однакожь не всѣ допущены на бракъ жениховъ, пятерымъ сказано: *не имѣе всѣхъ.*»

За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ вершахъ въ десяти онѣ Вологды начинаешся Аникинъ лѣсъ. Аника былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу, нѣкогда дремучемъ и непроходимомъ, кромѣ одной дороги въ Бѣлозерскъ, называемомъ и шеперь *Ошкѣвскимъ*. Въ лѣсу есть пустыня *Заошкѣвская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ, гдѣ жилъ Аника, и онкуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проѣзжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и накопилъ себѣ всякаго богатства, серебра и золота и камня самоцѣннаго. Однажды вышелъ онъ по обыкновенію на дорогу — на вспрѣчу ему старикъ съ котомкою за плечами. «Здорово, дѣдушка, онкуда ты и куда идешь!» — «Изъ Кіева; ходилъ поклониться Святымъ Угодникамъ Печерскимъ, а шеперь

иду къ Соловецкимъ.—»Не тяжело ли тебѣ, спаринушка, носить свою суму? У тебѣ чаю естѣ много лишняго. Дай-ка я посмотрию, чего пы набралъ!« Разбойникъ снялъ кошомку, и увидѣлъ въ ней узелки съ землею, пескомъ, частпицами аншидора и Святыхъ мощей. Съ досады началъ онъ разбрасывать узелки и рассыпать землю, сколько спарикъ ни просилъ его со слезами о сохраненіи его сокровищъ. »Такъ берегись же пы, Аника, Богъ накажетъ тебѣ за обиду нищему спарцу. Скоро наспушишь часъ швой.« Аника выхватила ножъ, и хотѣлъ-было зарѣзать спарика, но шопъ спалъ невидимымъ. Аника испугался, и бросился въ лѣсъ къ себѣ домой, но избы его уже не было, одна лошадь паслася на полянѣ. Аника сѣлъ на нее, и поѣхалъ изъ лѣса, какъ вдругъ встрѣшилось съ нимъ... но это рассказано въ сшихахъ на нашей лубочной карпинкѣ:

Ѣдетъ Аника черезъ поле.

На встрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо, и проч.

Показываютъ гдѣ-то и могилу Аникину, высокій курганъ, на который всякой прохожій обязанъ бросить пруть. »Аничка, Аничка, вошь тебѣ вичка.« Это исполняется до сихъ поръ.

Рано пріѣхали мы въ село *Кубенское*, бывшее городомъ, даже Княжескимъ; ибо извѣстны Князья Кубенскіе. Здѣсь были еще Князья Бохшюжскіе отъ с. *Бохтюги*.

Близъ церкви мы вѣдѣли остановившись нашему ямщику и полѣзли изъ шарантаса. Проходили двѣ молодыя бабы. »Гдѣ Протопоповъ домъ?« спросили мы ихъ. »А вошь за поворопомъ, аль вы пріѣхали къ нему смодрѣшь невѣсту?« Мы разсмѣялись. »Такъ, шакъ, невѣсту смодрѣшь! Пожалуйте, пожалуйста, дѣвица прекрасная, здоровая, полная. Спупайте съ Богомъ.« Мы пошли по указанной дорогѣ, а онѣ все еще продолжали хвалишь намъ Протопопову дочь, и долго ихъ добродушный смѣхъ раздавался въ ухахъ нашихъ.

Мы вошли на лѣспиницу,— никого нѣтъ,— въ комнату, и уже чрезъ нѣсколько минушь показала Протопопица. »Въ чемъ заспали, въ томъ и извинише.« »Шли у васъ заvara, матушка?« спросилъ ее мой спутникъ. »Шѣшь, была прешьяго дня.« А что такое заvara? спросилъ я его. »Ошрубн, сваренные въ водѣ съ солью. Ѣдятъ ихъ горячія, съ масломъ

и молокомъ.» Завары употребляются для угощенія на рабобахъ.

У Пропопоа двѣ комнаты очень онряшныя: (комната, съ печью, называется *кутью*; *воронецъ*, *грядка*, — перекладина подлѣ печи; *голубецъ* — поставецъ при ней, шкапчикъ). Чистая комната украшена картинами, представляющими колдоврапность земной жизни, и виды монастырей. Между поршрешами примѣчашелень Ѳеофана Новоозерскаго, наполнившаго своею славою окрешность. Поршрешъ его видишь вездѣ. Онъ прозрѣвалъ говорящъ, характеры, и спороною давалъ знанъ объ нихъ посьшителямъ. (Надо бы собрать всѣ подобныя замѣчанія, въ коихъ отражаелся также игра Русскаго ума и языка).

Наконецъ взошелъ и Пропопопъ, опъ копораго, по порученію Преосвященнаго, я долженъ былъ. взять чарочку одного Архіерея, и опшезить ее по дорогѣ Пннокентію, Архимандриту Росповскому, преданному памяти сего послѣдняго.

Спарецъ бодрый, лѣтъ за шешъдесять, мнѣ очень понравился въ паптріархальномъ бышу своемъ. Онъ священствуетъ лѣтъ сорокъ, обрашилъ множештво спарообрядцевъ, возросшилъ нѣсколько сыновей, выдалъ замужъ нѣсколько дочерей, кромѣ меньшей, которую съ такимъ усердіемъ прочли намъ первыя наши знакомки въ Кубенскомъ.

Никакъ нельзя было опказашься опъ угощенія. Пока оно гошовилось, чшобъ не пошерящъ времени я попросилъ его показашъ намъ церковь. Соразмѣрность чешырехъ главъ къ пятой срединной очень хороша. Въ церкви, очень обширной, показался примѣчашельнымъ мнѣ древній образъ Михаила Архангела, между Фроломъ и Лавромъ. На памянш сихъ Святыхъ лошади подвояшся къ церкви, и кропяшся Святою водою, послѣ молебна образу.

Хорошъ видъ съ колокольни на Кубенское озеро.

Село Кубенское славилось нѣкогда своимъ разбойникамъ, о коихъ до сихъ поръ разсказываелся много анекдотовъ, напримѣръ: мужикъ привезъ на шоргъ хлѣба продавалъ. Кубенецъ зазвалъ его къ себѣ на дворъ, и принялся душищъ. Несчастный однакожъ какъ-то освободился, выбѣжалъ на улицу, съ крикомъ, съ воплемъ, началъ просить помощи: собрался народъ. Чшо такое? Такъ и шакъ. Меня убишъ хощѣлъ. Кто, гдѣ? Вопъ въ эпой избѣ? Веди насъ! закричали шри молодца. Мужикъ повель, и лишь шолько подошелъ онъ

къ избѣ, какъ тѣ полкнули его за вороша, а сами приперли, закрывавъ хозяину: вшь ты овецъ-шо распустилъ!

Между пѣмъ самоваръ былъ гошовъ. Хотя солнце жарило насъ изо всей силы, но опкзавъ ошьчаю, я и не пышался. За первую, закрышою чашкою, послѣдовала впорая, даже безъ присловія, какъ будшо предшественница ея была закрыша для одной церемоніи. Третья прибыла съ приглашеніемъ: пожалуйста! Пошь капишь съ меня градомъ. Сдѣлайше милоснѣ, прошу васъ, избавше! — »Шѣшь, не возможно, пожалуйста.« Выпишь и прешью, хоши чрезъ силу. Но за третней послѣдовала четвертая... попомъ явились пироги, грузди, подѣхала Кубенская мадера, съ Вологодскими конфектами, — просто я не зналъ, что дѣлашь, и схваня въ охабку кушакъ и шапку, спремглавъ съ лѣсницы. Пирогы поскакали за нами, и всѣ наши карманы, всѣ углы въ шараншасъ, наполнились всякой всячиной, по милости гостепрѣимнаго хозяина и его любезной супруги. Добрые, почтенные люди! какое прѣмное воспоминаніе они оставили во мнѣ. Тараншасъ нашъ покапцлся, а они все еще кричали вслѣдъ: а чтожь сипичка-то не взяли!

Дорогою любезный мой спущикъ сообщилъ мнѣ еще нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній. Вологжане представили Петру I-му, въ первый прѣздъ въ ихъ городъ, шеленка съ вызолоченными рогами, вмѣсто хлѣба-соли, и попому были прозваны шеляшниками.

Отличительное выраженіе Вологодскихъ крестьянъ: хошишѣ, такъ хошишѣ, а не хошишѣ, такъ какъ хошишѣ. О Москвитянахъ говорятъ Вологжане: »копишь да плотишь.« Разговоръ Зырянъ: що, браиць, у кого ты робишь? У Глазнѣго. А ты у кого? У Веденскѣго. А по цомъ берешь. Тридцеть петь! А що мало? Такъ и робишь спанемъ.

»Такъ и робишь спанемъ.« — Эшо кажешся и наша національная поведешія!

Въ здѣшней сторонѣ, примѣчательны такъ называемые пивные праздники, большіе для всей волости, малые для одной деревни. Мужики ходятъ другъ къ другу, и угощають пивомъ. Не пишь значить обидѣшь.

Отъ села Пучекъ, ближайшій переѣздъ по озеру, до Каменнаго острова, и Пастояшель, вспрѣченный мною въ Вологдѣ, обѣщавъ спросить мнѣ здѣсь переправу.

Священникъ не похожъ на Кубенскаго: онъ праздновалъ, вмѣстѣ съ живописцемъ, окончаніе росписи церковной, и очень смутился моимъ прїездомъ.

Пошли съ дьячкомъ опыскивать подговоренныхъ перевозчиковъ. До озера дороги съ версту. Не берущаясь везти, пошому что силенъ шуманъ, монастыря не видишь съ берега, и легко можно ошибиться въ направленіи. Пока мы спорили, уставая глазами на горизонтъ, монастырь заблѣлся, яснѣе и яснѣе, и мы пустились въ путь, приговоривъ еще двѣ лодки сопровождать насъ, на всякій случай. Долго не соглашались они ѣхать, «никакъ нельзя» — я прибавилъ имъ гривенникъ сверхъ обыкновенной цѣны и они отправились. Дороги семь верстъ. Лодка наша качалась съ боку на бокъ, *бляки* прыгали по водѣ, но гребцы были спокойны. Случись несчастіе — скажешь зачѣмъ поѣхалъ. Сойдешь съ рукъ — и позабыта опасность.

»Теперь мы на половинѣ дороги« сказалъ гребецъ. »А почему ты знаешь?« Вонъ видите церковь, въ прорѣзъ между двумя рощами. Вонъ ужъ спало *загнать* ее за дѣсь.« — Она видна только съ половинны.

Горизонтъ прояснился совершенно, и монастырь представился намъ стоящимъ, какъ будто на облакѣ. Превосходная картина! все озеро обставлено церквами. Солнце играло въ прозрачныхъ волнахъ. Вѣтеръ зачихъ, и мы прїѣхали благополучно.

Настоятель обрадовался намъ безъ памяти, послалъ наловить рыбы на счастье, и пошчасъ поспѣла свѣжая уха изъ *ершиковъ*, *сижковъ* и *нельмушки*. Превкусная! Коспрюля заросшая внутри накипью, а снаружи сажею, смутила насъ нѣсколько сначала, но голодъ вскорѣ взялъ свое.

Монастырь споймъ на *щери*, каменной почвѣ, и весною заливается водою; льдинами покрывающія крыши. И здѣсь былъ Пресвященный Пиннокентій, и сказалъ проповѣдь на шексѣ: Теря, потерѣхъ Господа и вянь ми, и услыши молитву мою, и возведе мя онъ рова спраспей и онъ брѣнія пинны, и постави на камени ноги мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста мои пѣснь нову, пѣніе Богу нашему. Узрятъ мнози, и убояшяся, и уповають на Господа. (Псал. 39, 1—4)

— »И вы вознесены на сугубый камень — чувственный и духовный; и подъ вами двѣ скалы — видимая и невидимая! Крѣпка скала видимая: сколько вѣковъ озеро борется съ нею, хочеть опрокинуть ее, и всегда возвращается вспянь, пакъ чпо вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола Творческаго: *до сего дойдеши и не преидеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твол.* Но сто крапъ крѣпче и несокрушимѣе скала невидимая, на коей утверждается внутренній человекъ нашъ. Чпо можеть прошивъ Господа и Спасителя нашего, весь міръ съ его соблазнами, самъ Князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воинствомъ? — Спойше же, возлюбленные, спойше непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайшесь, возвышайшесь, и сами, *яко каменіе живо, зиждитесь во храмъ духовенъ, въ святительство свято, возносити жертвы благопріятны Богови Исусомъ Христомъ!* (I. Петр. 2, 5). Доколѣ вы на семъ камени Вѣры, дополѣ не спрашны никакія волны искушеній, никакія бури спрашней: пошумяшъ и пройдушъ; не дадушъ вѣшнему человеку вашему нѣсколько ночей спокойно уснуть, но не опнимушъ мира у духа, опорвушъ, унесушъ какой либо кусокъ земли, шо ешь, чпо было въ васъ нечистаго и земнаго, но не опровергнушъ храмины спасенія, утвержденной на камени Когда возшумишъ вокругъ васъ буря и свирѣпыя волны начнушъ бить въ спѣны обипели вашей, помышляйте при семъ, чпо на морѣ жишейскихъ попеченій свирѣпспвуютъ еще большіе вѣшры, (сколько шамъ несчастній! сколько пошопленій! сколько слезъ и споновъ)! и, предспавля вашу здѣсь безопасность, повергайшесь съ благодарностію передъ Тѣмъ, Кто извелъ васъ опъ рова спрашней, опъ брениа мірской пшны и поставилъ на камени нозѣ ваши «

Мы осмошрѣли монастырь; мощи Св. Галакціона перенесены опсюда въ Духовской монастырь, въ Вологдѣ. Сюда сосланъ былъ Князь Григорій Шаховскій, *всей крови заводчикъ*, въ несчастное царспвованіе Шуйскаго. Много образовъ древнихъ. Въ 1812 году здѣсь находили убѣжище 60 Московскихъ монаховъ. Зашли навѣспишъ одного бакалавра, кошорый занимается исполкованіемъ Священнаго Писанія.

Изъ Наспояпельскихъ келлій съ балкона прекрасный видъ на озеро, но крючекъ пакъ заржавѣлъ, чпо мы насилу

молопками могли распворить дверь! Солнце играло въ водѣ, цѣлыя длинныя полосы ея сверкали переливчатымъ золопомъ.

Уже смерклося, какъ мы опправились въ обратный пушь. Вечеръ былъ пихъ, но берегъ заволокло. Мы ѣхали наудачу: наконецъ опытный зоркій глазъ рыбаковъ открылъ чупъ чернѣвшую рошу, и мы успокоились. У берега случилась съ нами новая бѣда: не было шелеги, копорая подѣхала бѣ къ лодкѣ, и взяла насъ къ себѣ. Пучкинскій попъ подумалъ, что мы непременно прогоспимъ до завпра въ Каменскомъ, и не пригошопвлъ подспавы. Какъ бышь? Въ бродѣ по колѣно въ водѣ спрашно — мы и безъ шого перезябли. Перевощики, не говоря ни слова, посадили насъ къ себѣ на спины, и пошацили на берегъ. Опасносшь однакожь не миновалась, ибо держашься было очень неловко и опасно. Кое-какъ добрались до земли, а до села почти бѣгомъ, чшобъ согрѣшься.

Приходимъ — что же? Старый мой Яковъ, крѣпившійся двѣ недѣли, пьянехонекъ лежишь въ шаранпастѣ, и лошадей нѣшь. Попъ понадѣлся на дьячка, а дьячекъ шеперь не даешъ намъ своей сѣрой кобылы, копорая - де не ходишь въ шройкѣ. Надо посыланъ на ближнюю спанцію. Гдѣ опкрытый листъ? Яковъ говоритъ, что опдалъ Попу. Попъ ушверждаетъ, что нѣшь. Поднялась шревога. Гдѣ листъ, гдѣ листъ? Сбѣжались дьячиха, пономариха, просвирня. Ахъ бѣда, ахъ бѣда! Обыскивать кучера: признался, что онъ, распоясываясь, уронилъ листъ въ колодезь. »Зачѣмъ вы напоили моего спарика?« »Бапюшка, Ваше Высокородіе, изъ уваженія къ вашей персонѣ.« Дьячиха, оказавшая болѣе всѣхъ дѣяпельносши, обвязала своего мужа веревкою, и не говоря ни слова, спушила въ глубину. Пу, еслибъ веревка оборвалась! а можешъ бышь шого и хопѣлось ей! Дьячекъ началъ шарить на днѣ колодца, мы всѣ молчали, ожидая съ неперпѣніемъ развязки. Нашель, нашель, закричалъ снизу водолазь. Вошь была радосшь! весь причешъ креспился, молился, и почти запѣлъ даровой молебень: »развязали душу, слава Богу, эка бѣда, слава Богу.« Бѣдные люди, бѣдные люди!

Пономаръ поскакалъ за лошадыми, а мы вошли въ комнаты Священника. У печи стояла женщина, прекрасная собою, высокая, спашная, но босикомъ, въ крашенинномъ сарафанѣ, и дрожала всѣмъ шѣломъ. »Гдѣ машушка,« спросилъ я ее, принявъ за бапрачиху, и она едва могла выговорить, что

сама и естъ жена Священника, и сей-часъ пришла съ молоченья. Я не нашель ничего сказать бѣдной женщинѣ, и ушелъ съ своимъ поварихомъ въ указанную намъ (*) свѣтлицу...

Кое-какъ провели мы ночь въ войнѣ съ цѣлымъ населеніемъ злыхъ насѣкомыхъ, ошмспившимъ за причиненную шревогу въ мирномъ обипалищѣ.

27. Чѣмъ-свѣпъ поѣхали далѣе. Не стану описывать, какъ провожалъ меня Священникъ. Съ какимъ тяжелымъ, грустнымъ чувствомъ осмивилъ я село П.

Замѣчу примѣчательную форму *даси*, дашь, и удареніе на прешьемъ лицѣ глаголовъ *ловятъ*. Спундай на пѣшій слѣдъ — ласковое изрѣченіе.

Дорогою обдумалъ, какъ разсказать анекдоты о Пешрѣ І, для Сельскаго Альманаха, издаваемого Минисперспвомъ Государственныхъ Имуществъ. Слущникъ на мой разсказъ, сообщилъ мнѣ еще одинъ новый анекдотъ объ Усплюжскомъ мастерѣ Челбышевѣ, кошорой читатели найдуть тамъ. Деревни часпныя. Замѣчу имена *Вагринъ*, *Дѣмилево*.

Первая станція въ селѣ... населенномъ раскольниками. „Ты спаровѣрь?“ спросилъ мой спущникъ спарика, начавшаго ошпрятать нашу шройку. „А у васъ, батюшка, развѣ новая вѣра?“ отвѣчалъ онъ спокойно. Что за умный народъ.

Обѣдали мы въ селѣ N, принадлежащемъ семи помѣщикамъ! Молодой паренъ привезъ насъ скоро, и я принялся уговаривать его везти далѣе, обѣщая хорошіе прогоны. Нѣтъ, сказалъ онъ, и не хотѣлъ ничего слушать. Оставьте его, замѣшилъ мнѣ Г-нъ С. Здѣсь уже шакой характеръ! кто скажешъ разъ—нѣтъ, того уже никакими силами не подвигнешъ сдѣлать что-либо.

Шнѣ разговоръ обратился у насъ на Семшарское ученіе, и Г-нъ С. разсказалъ между прочимъ о многихъ сочиненіяхъ, пріобрѣтшихъ громкую славу въ ихъ ученомъ мѣрѣ.

(*) *Ея Высочество, Великая Княжна Ольга Николаевна* обратила вниманіе на воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія, и по ея мысли учреждается въ Петербургѣ, подъ начальствомъ Графа Прохасова, образовое заведеніе.

Въ Москвѣ знаменитый благотворитель А. М. Горихвостовъ учредилъ заведеніе для призрѣнія сиротъ и вдовъ въ 1832 году, пожертвовавъ значительный капиталъ.

Но онѣ всѣ погибають, какъ таланты, зарытыя въ землю! Новые училищели сочиняють новыя руководства, и липшы смѣняются, какъ на деревьяхъ, почипи ежегодно.

По близости къ Кириллову много мѣспъ живописныхъ, озера Швейцарскія. Часто попадаются озера въ сѣни деревьевъ. Земля соспощъ изъ взлобковъ.

Съ какимъ-шо особеннымъ удовольствіемъ подѣзжалъ я къ Кириллову; воображеніе мое носплось въ Историю: я споялъ у заупрени въ темномъ уголку низенькой церкви; шускло горѣли свѣчи передъ олшаремъ; вдругъ опворяется боковая дверь, и смиренно входипшъ Грозный, въ сопровожденіи своихъ друзей, и преклоняетъ колѣна свои передъ ракою Преподобнаго Кирилла....

Приведу здѣсь къспашип опрывокъ изъ письма Ивана Васильевича къ Кирилловскому Игумену, переложенаго почипи слово въ слово Пушкинымъ въ Монологъ Пшмена:

«Момнише, Ошцы Святіи, егда нѣкогда прилучися ми «у васъ быши.... И повелѣхъ тогда сущему Игумену Кириллу съ нѣкоими ошъ васъ нѣгдѣ въ кельѣ скровнѣ быши, «самому же ошъ мяшежа и плища мірскаго упразднившуся, «и пришедшу ми къ вашему преподобію, и тогда со Игуменомъ баше Юсачъ, Архим. Каменской, и Сергѣй Колычовъ, шы Никодимъ, шы Антоній, а иныхъ не упомню; и «бывши въ сей бесѣдѣ надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣспихъ желаніе свое о поссприженіи.... и свое обѣщаніе по«ложихъ вамъ съ радоспшо, яко нигдѣ нидѣ, аще благоволишъ «ми Богъ во благополучно время здраву поссприщися, шочшо «въ сей обшшели Чудотворца Кирилла; и вамъ молишвовав«шшмъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и «припадохъ къ чесшнымъ шпопамъ Игумена, благословенія «прося; оному же руку на мнѣ положшу и благословещу «мене на семь.... и мнѣ мшшся окаянному, яко шполу есмь «чернецъ, еще и не опложихъ всякаго мірскаго мяшежа, но «уже рукоположеніе благословенія Ангельскаго Образа на «себѣ ношу.»

Монастырь окруженъ двойными стѣнами. Огромное просспранство между первыми и вторыми шчѣмъ не занято, а на немъ можно бы кажется помѣспшщъ весь городишко, соспощій изъ нѣсколькихъ избенокъ, разбросанныхъ шамъ и сямъ. А для лавокъ, кои спояшъ шеперь, какъ си-

рошы, какимъ-то узкимъ переулкомъ, передъ Святыми воротами, какое прекрасное помѣщеніе было бѣ въ сѣбѣнахъ! Происхожденіе многихъ городовъ Европейскихъ опѣ монастырей и первый періодъ ихъ распроспраненія представились ясно передъ моими глазами. Какъ много значилъ наглядность въ дѣлѣ Исторіи!

Молча прошелъ я по длинному двору. Главныя Святыя ворота поразили меня своею древнею живописью; благоговѣйный шепель прошелъ по всему шѣлу: Св. Владиміръ, Св. Сергій, Св. Ольга, стояли передо мною въ древнихъ одѣніяхъ, а далѣе — происшествія изъ жизни Св. Кирилла. На верху надпись: въ Царствованіе Феодора Иоанновича... благословеніемъ Игумена Варлаама, по приговору спарцевъ Соборныхъ Кир. мон. опѣ врапа большія и меньшія подписа мастеръ спарець Александръ съ своими учениками съ Омельяномъ да съ Никишою, въ лѣто....« И что же? о ужасъ! на другой споронѣ начиналось уже искаженіе: два древніе образа, съ которыхъ нѣсколько слезла краска, были забѣлены, и стояли подставки, опѣкуда новый маляръ свяпопашспвенной рукою собирался видно мазать свои представленія. Бѣгомъ почти побѣжалъ я къ Архимандриту, недавно сюда опредѣленному, и послѣ перваго привѣтствія началъ славить ему превосходство его врапъ. »Да,« опѣвчалъ онъ, »мы хопимъ ихъ поновить.« »Сдѣлайте милость, Ваше Высокопреподобіе, опѣсавьте ихъ, какъ они еспъ; ничто не можетъ быть лучше, изящнѣе, почтеннѣе. Я не въ силахъ вамъ выразить моего перваго впечатлѣнія при видѣ ихъ. Поправить можно, только поддѣлываясь въ часпяхъ подѣ старое.« »Вы историки судите по своему, а богомолы по своему — вы любите вѣпхоспи, а шѣ опѣносятъ ихъ къ нерадѣнію Настоятелей.« »Сдѣлайте милость, Ваше Высокопреподобіе. Сгбю напомнить вамъ Высочайшій указъ о храненіи памятниковъ.« »Хорошо, хорошо, я посмотрю.« Не знаю, сдержалъ ли ночпennyй Архимандритъ свое слово (*), а я былъ бы очень радъ, еслибъ просьбою моею сохранилась эта прекрасная иконопись. Пріемъ, нѣсколько сухой сначала, оживился, какъ я представилъ рекомендабельное письмо. Намъ опѣведены были кельи, впрочемъ весьма грязныя: пыль не спиралась видно никогда ни съ лавокъ, ни съ оконъ; соръ не вы-

(*) Спарецъ уже скончался.

мешалъ съ полу, и окна не распворались ни зимой, ни лѣшомъ, потому что воздухъ былъ сырой и тяжелый. Кое-какъ мы обчистили и убрали горницу, напѣлись чаю, и пошли осматривать монастырь, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ древности, любимое богомолье Іоанна IV, мѣсто постриженія знаменитыхъ сановниковъ и зашоченія многихъ виновниковъ.

Прежде всего привлекла насъ келѣйка Св. Кирилла, деревянная, пѣсная, въ коей едва повернувшись можно одному человѣку, гдѣ Святый опшелъникъ денно и ночью молился Богу. Она обстроена теперь сваружи и находится какъ бы въ фуплярѣ; но я все-таки желалъ бы болѣе почтенія къ святому обипалищу.

Близъ него въ другомъ фуплярѣ находится колодезь, ископанный Святымъ, — священные оспашки мужа, знаменитаго въ нашей Церковной Исторіи, котораго житіе преисполнено красотъ необыкновенныхъ для всякаго Русскаго, понимающаго бытъ своихъ предковъ и ихъ великое значеніе.

Спѣны вокругъ монастыря въ при яруса со сводами, длиною 700 сажень. Въ башняхъ внутри есть такъ называемые столбы для важнѣйшихъ пресшупниковъ, коимъ чрезъ опверзтіе подавалась пища. Кирпичъ превосходный. Опстроены они окончательно послѣ Липвы. Опверстія подъ окнами для бросанія камней; въ воропахъ рѣшетка въ потолокъ для засыпанія чрезъ нее пескомъ непріятеля. Часть пола вынута на хлѣбъ, во время какого-то голода. Кельи прилѣплены теперь ко внутренней оградѣ. Прежде было ихъ до 600, кромѣ всякихъ мастеровъ и рабочихъ, писцевъ, живописцевъ, каменщиковъ, плотниковъ, а теперь едва набирается достаточное количество для опсравленія необходимой службы. Пустыри на всѣ стороны. Думалъ о монашесствѣ въ древности и теперь. Монастыри были необходимы какъ убѣжища для *душъ*, алкавшихъ уединенія и молитвы, освобожденія отъ преволненій житейскихъ, а нынѣ необходимы по большей части какъ святыя мѣста, куда-бъ спекался *народъ* для поклоненія и пѣмъ пишалъ свою духовную жажду.

Я переглядѣлъ еще изображенія въ Святыхъ воропахъ, верхнія старше; увидѣлъ древнія мѣдныя двери съ изображеніями, но большей части Славянскими. Ничего-то не описано у насъ! Есть и въ Соборѣ древнія прекрасныя мѣдныя двери,

сѣверныя. На все бываешь счастье: сколько сдѣлано описаній Поговорѣдскимъ дверямъ, а на прочія никто и сморгнуть не хочешь, между шѣмъ какъ ихъ много. Точно также должно сказать о Черниговской гривнѣ, о которой написано съ дюжиною диссерсацій, такихъ гривенъ у меня есть уже десять.

28. Пропалъ заутреню. Поклонился мощамъ Святаго мужа. Передъ ракою, за стекломъ, хранятся: сосуды, ризы, въ конхѣ служилъ онъ, стихирарь, свящцы, овчинная шуба, кожаный поясъ, шерстяной колпакъ, двѣ чашки въ кожаныхъ влагалищахъ, ковшикъ, духовное заѣцаніе. Предшавлялъ его себѣ пѣшешествующа въ этомъ нарядѣ изъ Московскихъ предѣловъ, съ благословеніемъ Св. Сергія, въ дебри Бѣлозерскія. . .

Обошелъ всѣ церкви, въ копхѣ очень много древнихъ образовъ, въ окладахъ басменной работы, и Царскихъ дверей, со столбиками, очень оригинальныхъ и не испорченныхъ новыми поправками. На примѣръ образъ самаго Кирилла, писанный ученикомъ его, Преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, «живу сущу Чудотворцу Кириллу въ лѣто 6932 (1424)». Слѣд. его портретъ. Кіюшь древній, другой «здѣланъ... въ домѣ Пречистыя и Чудотворца Кирилла 7122 (1614), по благословію Игумена Матвея во славу Бога. Амѣнь.»

Образъ Смоленской Божіей Матери, принесенный Св. Кирилломъ, (слѣд. дровище его), Соборъ Успенія, Неопалимой Купины, Преображенія, Похвалы Пресвятой Богородицы, съ надписями, Святыя Троицы. Надъ мѣстными образами весьма древніе праздники. Скажу здѣсь нѣсколько словъ объ иконописи. Она не подведена у насъ подъ правила, еще менѣе чѣмъ Палеографія. Я говорилъ со многими такъ называемыми знатоками, особенно между раскольниками, разспрашивалъ ихъ, и заключилъ, что они сами часто ошибаются, и бываютъ несогласны въ мнѣніяхъ о древности того или другаго образа, хотя, правда, и есть между ними имѣющіе великую опытность. Не спрашивайте у нихъ только почему. По большей части они говорятъ по привычкѣ, какъ по привычкѣ часто опредѣляется въкъ рукописей. Чтобы подвести подъ правила, надо списать всѣ древніе образа и поставивъ списки рядомъ, на пр. Образъ Троицы, и проч. Тогда представлялся всего яснѣе поспешенныя измѣненія. Надо будешь справитесь и съ Византійскими образами въ Ри-

мѣ и Греціи, съ Подлинниками и проч. Много работы и здѣсь, а работа занимательная и нужная.

Въ особомъ придѣлѣ похоронена фамилія Воропынскихъ. Библіотека очень огромна, а прежде была еще огромнѣе, пока рукописи не продавались на удовлетвореніе монастырскихъ нуждъ. Теперь, слава Богу, послѣдовало вновь запрещеніе. Я перебралъ всѣ рукописи, стоящія въ хорошемъ порядкѣ. Примѣчательнѣе всего служебныя, писанныя для Св. Кирилла учениками его, на пергаментѣ, съ десятокъ или болѣе; Евангеліе и Апостолъ, Христофоромъ: по благословенію отца моего и господина Игумена Кирилла, и проч.

Къ величайшей моей радости нашелъ книги знаменитаго Сильвестра, одного изъ любимыхъ моихъ Героевъ. Потребникъ, времени Грознаго, судя по почерку, на полстой бумагѣ. На первомъ листѣ написано: Селивершовская потребная. А сверху другою рукою надписано: «Иванъ сказалъ Михайловичъ, что пошъ потребникъ Благовѣщенской.»

Ужъ не скончался ли Сильвестръ въ Кирилловѣ монастырѣ? Иначе какимъ образомъ попала-бъ сюда его книга? вкладъ былъ бы отмѣченъ иначе. А по смерти его кто нибудь изъ монастырскихъ монаховъ могъ отмѣтить именно такимъ образомъ его книги. Другой, по словамъ свидѣтеля, какого-то Ивана Михайловича, поправилъ ошибку, и написалъ, что книга принадлежала не Сильвестру, а Благовѣщенскому Собору, гдѣ Сильвестръ въ періодъ своего могущества былъ Священникомъ. Другимъ образомъ нельзя кажется объяснить этихъ приписокъ.

Подъ № 13 «книга Государское даніе Псалтырь полковая Благовѣщенскаго Попа Селиверста въ иноцѣхъ Спиридона, и сына его Анфима. Толкованіе Пракліійское.»

Мудрено рѣшишь и объ эпохѣ книгъ: по какому поводу отдалъ ее Государь? Вѣроятно по смерти. Слѣд. Сильвестръ умеръ здѣсь. И съ сыномъ Анѣимомъ? Впрочемъ Царь могъ раздать книги ихъ по разнымъ монастырямъ, гдѣ бы они ни умерли.

Започеніе его въ Соловахъ основано на одномъ Курбскомъ. Онъ могъ бытъ и переведенъ изъ Соловокъ. Не надо ли заключать еще изъ эпохъ приписки, равно и изъ Вкладной

(1580 года), что они умерли в одно время? Ужь не умерщвлены ли?

Благовѣщенской Священникъ Селивестръ, ѡвладу далъ 25 гривенокъ, перцу да бр. лицу 2 пуда, да ладону 2 пуда, безъ 10-ти гривенокъ, пять сноповъ бумаги, да колоколь 8 пудъ, да старыя колоколы переливъ, зазвонные, прибавилъ своей мѣди 4 пуда, да ларь спеколь 15 рублей.

„Да Священникъ Селивестръ далъ 2 пуда ладону безъ четверти. Дали прикащики по Священникъ Селивестръ и по сынъ его Анѳимъ 30 рублей, за 10 образовъ окладныхъ пядницъ да 23 золотника жемчугу, да шубу кунью подъ камкою, ношена, да иная рухлядь, на 50 рублей и всего обѣихъ даваніа на 142 рубли съ полпшиною. И за то ихъ даваніе и за прежнее написали в оба Синодика, всендѣвной и вѣчной, а на ихъ преставленіе въ году 2 понахиды пѣши и обѣдни служивши на Москвѣ, на Офонасьевскомъ монастырѣ, и на братію кормъ давати въ шѣ дни.“

„Да ча для того времени богатая! Замѣтимъ, что у Селивестра были душеприкащики! Надо справиться по другимъ монастырямъ, а особенно объ Афонасьевскомъ въ Москвѣ. Почему именно въ немъ должно было пѣшь обѣдни по преставившихся.“

Сдѣлать нѣсколько выписокъ.

Наконецъ заболѣла голова, послѣ того какъ цѣлое утро прорылись мы въ Рукоинскахъ. Вышли подышать чистымъ воздухомъ. Передъ Библиопекою цѣлая комната съ древними оружіями — бердыши, кольчуги, шлемы, сѣкеры, нагрудники.

Прогулялись еще по монастырю. Въ углу, за церквями стоить разваливающееся каменное строеніе, съ признаками древности. Ходу нѣтъ ни какого. Лѣстницы перегнили. Мы взобрались на верхъ по стѣнѣ, какъ вѣши, упираясь въ кой какія щели, и едва не поплахъ за историческое любопытство. Стѣны толстѣйшія. Въ верхнемъ ярусѣ чепыре низенькія келейки со сводомъ, и корридорромъ вдоль Узенькія окна. Не сюда ли, не въ эши-ль *мѣшки* Царь Іоаннъ Васильевичъ зашочалъ Ворошынскихъ, Шеремешевыхъ? Обошли ихъ дерево, все сгнило, кирпичъ крешився!

Между шѣмъ обѣдъ былъ гошовъ. Добродушные монахи были рады всѣмъ, чѣмъ богашы, и мы не знали какъ благодарить ихъ за хлопоты и безпокойства. Замѣчу, что здѣсь, на берегу озера, живая рыба почти рѣдкость. Такъ еще мы пляжель на подъемъ, и мало думаемъ о собсвенныхъ своихъ удобствахъ!

Осмотрѣли Ризницу, въ коей множество превосходныхъ оштатковъ древности: рѣзные образа деревянные, косяные, креслы, панатіи, оклады, кадила, чаши, шипые образа, хоругви, пелены съ надписями, ризы, времянь Царя Иоанна Васильевича, шверды, какъ лубокъ, и прочихъ царствованій. Все надо описывать, описывать, описывать! Кресло Патріарха Никона, обитое шелковою желтою матеріей, съ надписью: 7176 г., Марша 21-го, сей спуль здѣланъ Смпреннымъ Никономъ Патріархомъ, въ започеніи за Слово Божіе, и Свяшую Церковь, въ Ферапонтовѣ монастырѣ, въ шюръмѣ. Какое былъ эпошь характеръ!

Ферапонтова пустыня находится ошсюда въ нѣсколькихъ верспахъ. Жаль, что я не могъ попасть шуда; развѣ на возвратномъ пути. Тамъ, говоряшь, больше оштатковъ древности. Услышалъ объ одномъ любитель, Пепрѣ Ивановчѣ Шишкинѣ, копорый много шрудился въ Библиотекѣ Кирилловской, и дѣлалъ выписки.

Посмотрѣлъ Училище, очень хорошо помѣщенное. Всѣ классы полны.

Послѣ вечерень опправились мы въ Бѣлозерскъ, опстоящій ошсюда только на сорокъ верспъ. Первую спанцію всю ѣдешъ съ горы на гору, шочно какъ большими и глубокими ухабами. Вокругъ вездѣ озера. Есть прекрасные виды. Перѣехали Шексну, въ селѣ *Огнитъ*, на паромѣ. „Ты видно не здѣшній,“ сказалъ я паромщику. „А съ чего вамъ шакъ показалось?“ Выговоръ у себя другой. „Топно-же, а здѣшніе *чистобаи* говоряшь, что Московская рѣчь груба, нашей - де ричи цисъци въ свити шшу, (ш. е. нашей рѣчи чище въ свѣтѣ нѣпш). Здѣсь говоряшь: снешъ, грезъ, всекой, Кнезь, Кнегиня, вмѣсно: снать, грязъ, и проч. Онѣ опсавши, Архіерей ухавши, дѣспричасіемъ, какъ въ Пепербургѣ и Архангельскѣ. Еще услышалъ выраженіе: какая ловчина!

Рыбу ловящъ *руслами* о двухъ горлахъ (родъ верши, о двухъ рукавахъ), и погонями. Дальше дорога перелѣсками прескучная, зашолесная (ш. е. пустая): верстахъ на восьми одно селеніе, лошади и скотина ходящъ поволѣ.

Пріѣхали въ Бѣлозерскъ ужъ поздно вечеромъ. Кое-гдѣ мелькали огоньки. Я дремалъ, и мнѣ предспавилось, что мы въѣзжаемъ въ древній гошпической замѣкъ, во владѣніи Пѣмецкаго Рыцаря Синава, Среднихъ вѣковъ, мимо многочисленной вооруженной дружины, черезъ обширный дворъ, заселенный челядью, чему впрочемъ ничего подобнаго наяву не оказалось. Спукнулся окошка въ шри, и спросили объ училищѣ, — не получали ни гдѣ удовлетворительнаго отвѣта, и рѣшились остановиться въ гостиницѣ; но она была полна; мы обратились къ одному Соборному Священнику, женапому на родственницѣ Г-на С.

Весь домъ возбузыкался. Башюшка-братецъ, да какъ вы это пожаловали къ намъ, — чаю, яичницы, уши, — однимъ словомъ, что ни ешь въ печи, все на споль мечи.

(Продолженіе впрѣдѣ.)



ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА ПОГОДИНА

по нѣкоторымъ внутреннимъ губерціямъ. *)

**БѢЛОЗЕРСКЪ, ВЕСЬЕГОНСКЪ, ВѢЖЕЦКЪ, СЕЛО ВОЖЕНКИ
И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ МОСКВУ.**

29 Сентября. Какъ легкимъ и удобнымъ кажется здѣсь, на мѣсть, присоединеніе Бѣлозерска и Ростова къ владѣніямъ Норманновъ, а на картѣ что за разстояніе отъ Ростова до Новагорода! — Ростовъ подъ Рюрикомъ! Не удивительно ли для того времени? Ничего не удивительно. Рѣки были желѣзными дорогами для Норманновъ. Мудрено ли имъ было проѣхать изъ Ладожскаго озера въ Онежское Свирыю, а потомъ Вытегро, и чрезъ малой волокъ Ковжею, Бѣлымъ озеромъ въ Шексну, а Шексна впадаетъ въ Волгу — вотъ они и на мѣсть Ярославля, отъ котораго Ростовъ въ 60 верстахъ, сокращенныхъ еще побочными меньшими рѣками.

Священникъ сказалъ намъ, что нынѣ ходъ изъ Собора въ одну приходскую, Ивановскую, церковь. Такимъ образомъ мы увидимъ весь городъ въ собраніи.

Соборъ стоитъ на пространствѣ, окруженномъ валомъ не большимъ, но высокимъ. А какъ онъ древень? Верно не слишкомъ, ибо древній Бѣлозерскъ стоялъ на другомъ мѣсть. Внутри разсыпано нѣсколько хижинъ, и стоятъ Присутственныя мѣста. Есть четыре озерка, называемыхъ казенками. Не на случай ли осады выкапывались онѣ?

*) Начало и продолженіе ихъ помѣщено въ прежнихъ годахъ Москвитянина.

Соборъ Преображенскій былъ во имя Василія. Хо- даковскій замѣчалъ о множествѣ Василювскихъ погостовъ и церквей. Не всѣ ли онѣ ведутъ свое начало отъ пер- ваго Христіанства, и Св. Владимира-Василія. Какой-то древній образъ отсюда былъ представленъ Государю Императору.

Нѣтъ ли здѣсь какихъ преданій о Князьяхъ Бѣло- зерскихъ? спросилъ я одного священника. Онъ задумался, какъ будто припоминая, и наконецъ воскликнулъ съ ра- достію: есть, помню, я читалъ въ Россіядѣ.... !!

Въ ходу было много народу. Есть фаты, женщины въ кокошникахъ съ понижами, — а изъ оконъ смотрѣли дѣ- вушки въ блестящихъ *коропахъ*, низанныхъ жемчугомъ. Что за прекрасной нарядъ! Какъ мелко передъ нимъ ны- нѣшнія дамскія наколки! Именемъ короны замѣнилось въроятно какое нибудь древнее имя. Дѣвушки вообще не показываются поутру на улицу, не ходятъ въ церковь, а гуляютъ по вечерамъ. Мать бранить ту, за которой мало волочатся. Выходятъ за мужъ поздно, лѣтъ 25.

Съ народомъ пришли мы къ Ивановской церкви, предъ коею начался молебенъ. Мѣщанинъ, стоявшій подлѣ меня, замѣтилъ съ удовольствіемъ товарищу, что Свя- щенникъ благословилъ на четыре стороны съ cadaго угла. Зашелъ въ церковь и осмотрѣлъ образа. Есть одна глава Іоанна Предтечи, совершенно выдолбленная.

Поминовешія здѣсь особенно употребительны. Поми- наютъ покойниковъ, даже дѣтей, на третій, шестій, де- вятый, двадцатый, сороковой день. Нѣкоторые прожива- ются на поминовешіяхъ, и охотники до пировъ придира- ются нарочно къ такимъ днямъ, чтобъ имѣть случай попи- ровать. *Подрукавницами* называются женщины, ведущія дру- гихъ подъ руки.

Жители вообще довольно набожны и привержены къ церкви. Числомъ ихъ 5,000, а церквей 13, и священники довольны. Замѣчательно, что прихожане разсыпаны по всему городу, а не составляютъ цѣльныхъ, сплюснутыхъ

приходовъ. Древнихъ родовъ нѣтъ, все вывелись. Дворянъ много, но все бѣдные.

Обошелъ почти все церкви вмѣстѣ съ Г. Смотрителемъ училища; онѣ все передѣланы и поновлены; есть только кое-гдѣ образа древніе, напр. Иоанна Богослова, Симеона Столпника. Замѣтилъ замки на дверяхъ преогромные и особенно устроенные.

Одинъ почтенный священникъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, узнавъ что, мой товарищъ Профессоромъ въ Вологодской Семинаріи, а у него сынъ тамъ Студентомъ. Духовенство изъ Бѣлозерска и Кирилова отдаетъ учиться дѣтей своихъ по большей части въ Вологду, потому что она гораздо ближе Новгорода.

Прекрасныя чистенькія комнаты съ разосланными половиками. На стѣнахъ семейные портреты Бѣлозерской живописи.

На вопросъ о древностяхъ, гостепріимный хозяинъ позамаялся, а послѣ сказалъ откровенно, что путешествующіе археологи берутъ часто прочесть рукописи, да и зачитаютъ ихъ вовсе, и потому жители нынѣ неохотно стали открывать, у кого какія есть.

Онъ далъ мнѣ однакожъ копію, не совсѣмъ исправную, древняго условія, очень любопытнаго, о постройкѣ его церкви, которая здѣсь и предлагается съ означеніемъ куренвомъ примѣчательныхъ словъ.

Се азъ *Болринъ* Григорьевъ сынъ Царевъ, да я *Третьякъ* Борисовъ сынъ Ростовка, порядилися есми на Бѣль-Озерѣ церковь ставить, Успенія Пресвятыя, каменную, съ попомъ Александромъ съ Клементьевымъ сыномъ, да съ попомъ Богданомъ Кириловымъ сыномъ, да съ діакономъ Григорьемъ Емельяновымъ сыномъ, да съ *Неклюдомъ* Ивановымъ сыномъ, да с Федомъ Захарынымъ сыномъ, да с Ортемомъ Афонасьевымъ сыномъ, да съ Кириакомъ Александровымъ сыномъ, да съ Иваномъ Матфеевымъ сыномъ, да съ Филею Емельяновымъ сыномъ, да съ Осипомъ Васильевымъ сыномъ; и со всѣми

прихожанъ. А церковь ставить какъ въ Кириловъ монастырь, церковь Успенія Пресвятыя, гладкимъ дѣломъ, и въ стѣнахъ *достати* мѣсто колоколамъ, большимъ и меньшимъ, и часовню намъ поставити на церкви. А взяти намъ отъ того дѣла за *стѣнщики* и за мастерство девяносто рублевъ. А *подошеу* * семи сами дѣлали церковную, Григорій Діаконовъ съ товарищи *безъ мастераго указу*. А взяли еси задатку десять рублевъ напередъ; да какъ мы сдѣлаемъ стѣны подъ своды подъ верхніе, какъ своды сведемъ и намъ взяти десять же рублевъ; и какъ сдѣлаемъ окна да надъ своды на сажень стѣны, и намъ взяти десять же рублевъ; да какъ сведемъ остальные и намъ взяти десять же рублевъ; да какъ сдѣлаемъ до жолобовъ и намъ взяти десять же рублевъ; какъ поставимъ кружало верхнее, и намъ взяти десять же рублевъ; да какъ сдѣлаемъ всю церковь отбѣлимъ и лѣса опустимъ, и намъ взяти, и достать рядныхъ денегъ въ девяносто рублевъ двадцать рублевъ. А деньги намъ имати, а на записи подписывати; а пасти намъ всякой запасъ церковной, кирпичъ и известь, и лѣсъ и кружала, дѣлати своими людьми, за нхъ указомъ за Горяиновымъ, и казаки, подъ стѣнные носити всякой запасъ церковной; а за тѣми казаки подъ стенами, нарядчики Попа Александра съ товарищи. А не будетъ у нихъ съ прихода церковнаго запаса, дня три, или четыре.... А что ся у церкви года въ два или три попортится, и мнѣ Горяину съ своими товарищи подѣлывать за тѣмъ же наимомъ. А намъ мастерамъ и стѣнщики, вѣтъ хлѣбъ свой, а не будетъ у нихъ церковнаго запаса больши четырехъ дней, и намъ имать у нихъ поденное по двѣ деньги на день. А дѣлати намъ Горяину у нихъ своими товарищи церковь, колько у нихъ на какой годъ извести и кирпича запасуть, и намъ тотъ товаръ пздѣлать безъ хитрости, а *промаска* намъ класти тонка. А у дѣла мнѣ Горяину быти самому, оиршино Государевы

* Фундаментъ?

присылки, а сюда ему быти по нашему приказу, какъ у насъ товаръ поспѣеть, на каковъ годъ; и каковъ товаръ не поспѣеть, и ему въ тѣ поры переходити, и вся ряда мнѣ же Горяину дѣлати. А поималися по насъ порукою, Иванъ Терентьевъ сынъ Золотовъ, да Илья Тимофѣевъ сынъ Кичигинъ, да Тимофей Ивановъ сынъ Сухопаровъ. А не станемъ мы дѣлати церковнаго, или церкви не сдѣлаемъ, ино на насъ, и на нашихъ порушителей, по сеи записи взяти Попу Александру съ товариши, шестдесятъ рублевъ, а на то послуши Пантелеи Клементьевъ сынъ Ростовецъ, да Борисъ Андреевъ сынъ Угличенинъ, да Еска Александровъ сынъ Лошкинъ. А запись писалъ Фетько Савельевъ сынъ Игумнова, лѣта 7061 году — 1355 года.

Между тѣмъ, какъ мы разбирали это условіе, поспѣлъ чай, а за часемъ горячія лепешки, на которыя надо было выпить рюмки по двѣ благовонной поленики.

Съ подчиваньемъ вышла матушка, почтенная супруга священника, и мы разговорились о Бѣлозерскихъ нарядахъ, кои она и показала мнѣ въ натурѣ. Вотъ никакъ не могу уговорить ее, сказалъ священникъ, разстаться съ этимъ кокошникомъ. «Да какъ это можно,» отвѣчала она, «онъ еще матуникъ низанъ.»

Нынѣ уже мало жемчужныхъ коронъ, съ восемь во всемъ городѣ, а прочія всѣ изъ бити.

Обошелъ улицы и увидѣлъ много каменныхъ домовъ. Они строились здѣсь большею частию для залоговъ!! Въ переулкахъ есть еще окна со слюдою, вмѣсто стеколъ.

Послѣ всѣхъ разпросовъ, непредвидя болѣе никакой жатвы — домой, гдѣ ожидалъ уже насъ обѣдъ.

Запишу слышанныя выраженія въ разговорѣ о квасѣ.

Колосья-палочки на кои садится гуша и подъ кои течетъ жидкость. *Пространство между палочками-русло*. *Гусленые колосья*. *Квасъ русленый*. *Руслений-квасникъ*, кадка, гдѣ держится квасъ.

Ятва-стадо рыбы; пльуны-цыпляты; юрокъ-маленькй судаць.

*Тоболочки - левашники, верстанки, переплетушки - свитни (?) *).*

Ни отъ одного блюда нельзя было отговориться. Просьбамъ не было конца. «Надо выпить передъ ухою, за ухою, послѣ ухи, поминаючи уху.» Въмѣсто десерта подана была моченая морошка и брусника, «а варенья, извините, нѣту.» Кое-какъ отправили мы обѣдъ, и лошади были готовы. Что же? Опять подали чай. Хозяйка угощала насъ безъ памяти.... Но впрочемъ я радъ былъ дѣлать удовольствіе этимъ добрымъ, любезнымъ людямъ.

Жаль, что не могъ заглянуть въ Крохинъ посадъ, мѣсто древняго Бѣлозерска, при истокѣ Шексны, который гораздо богатѣе города.

При перѣздѣ черезъ Шексну паромщикъ закричалъ товарищу: *тащи воровый. Воровый, воръ*, значило у насъ прежде то, что нынѣ проворный. Вотъ еще одно замѣчанное удареніе, слово и выраженіе: *дзюка*; девятому попу пойду на тебя жалиться; *охучаться* - приготовиться, снаряжаться.

Вечеру пріѣхали въ *Кириловъ*.**) Лошадей нѣтъ. Въ ожиданіи прогулялись по берегу озера, живописно освѣщеннаго по разнымъ мѣстамъ: ловятъ раковъ.

Горожане прогуливались по улицъ: одна дама пѣз группы остановилась у почтоваго двора, и пристала съ вопросами къ кавалеру, стоявшему у воротъ, «а вы уже здѣсь, Иванъ Петровичъ, ну кто это провѣзій?» Не знаю-съ, я сей часъ только пришелъ.

«Не можетъ быть, вы не хотите сказать, вы давно уже здѣсь. Я видѣла, что вы уже разговаривали съ ними.»

*) Боюсь ошибиться въ этихъ выраженіяхъ, не разбирая иногда стершійся карандашъ въ дорожныхъ запискахъ.

**) Кириловъ описанъ былъ прежде.

— Ей Богу не знаю-сь.

«Ну какъ же вамъ не стыдно! Чего же вы стоите. Узнайте поскорѣе, да приходите сказать къ Александрѣ Петровнѣ.»

Я хотѣлъ было подойти къ этому оригиналу Гоголевой Анны Андреевны, и объявить свое имя, какъ она, ударивъ по плечу своего комиссіонера, въ знакъ бѣльшаго побужденія, отскочила прочь и побѣжала.

Послѣ прошло еще нѣсколько человекъ къ воротамъ, знакомыхъ по Ревизору, вѣрно съ тѣми же вопросами, а одинъ поопытнѣе обратился къ станціонному смотрителю.

Добрый смотритель училища, увидѣвъ нашъ тарантасъ пришелъ къ намъ, и я очень ему обрадовался....

Поговорили о городѣ, въ которомъ живутъ, слава Богу, всѣ дружно, — но книгъ и журналовъ не читаютъ.

Пустились ночью по незнакомой глухой дорогѣ, на *Череповецъ*, — но все было благополучно. Мужики вездѣ пресмирные, и даже не считаютъ денегъ получая за прогоны: «что пожалуете.» Предъ Череповцемъ мы выѣхали на большую Петербургскую дорогу въ Вологду, и увидѣли совсѣмъ уже другія лица и совсѣмъ другіе приемы.

30. Поутру прѣѣхали въ городъ, и напившись чаю, отправились въ училище, чтобъ посмотреть на карту и поразсирозить смотрителя. Оказалось, что до *Весьегонска* отсюда верстѣ 80, гдѣ между прочимъ хочется мнѣ забрать справки о рѣкѣ Сити, а здѣсь ничего примѣчательнаго, ни охотниковъ до него нѣтъ.

Велѣли себѣ сварить уху, заплативъ за двѣ порядочныя стерляди 3 р. 50 к. Комнатки у содержателя пречистенькія. Превкусной бѣлой хлѣбъ, прегорячія лепешки, порядочная посуда. Премилая хозяйка, — и мы закусили съ большимъ удовольствіемъ.

Кн. XII.

Жить у насъ дешево, говорилъ хозяинъ, хлѣба много, дровъ также, сбыть все есть куда, въ Рыбинскъ.

Среди нашего обѣда пожаловалъ ко мнѣ Господинъ Почетный Смотритель, и приглашалъ къ себѣ на именинный обѣдъ, но я къ сожалѣнію долженъ былъ отказаться, не имѣя времени, и лишился такимъ образомъ случая познакомиться съ почетными гражданами города Череновца.

Дорога идетъ пескомъ среди ельника *матеруцаго*. Это было дно рѣки: Шексна перемѣняетъ свое теченіе.

До сихъ поръ ѣхали мы на обывательскихъ. Но подѣзжая къ первой станціи за городомъ увидѣлъ я издали форменный воротникъ. — Давайте лошадей. «Лошадей нѣтъ.» Отчегоже? «Мы ожидаемъ почты.» Дѣлать нечего — надо было дожидаться. Избы съ крытыми лѣстницами и крыльцами красивы.

Разговоръ занялъ у насъ о явленіяхъ невидимаго міра, и я узналъ отъ своего спутника нѣсколько любопытныхъ вещей, кои разкажу въ свое время.

Наконецъ дождался лошадей и отправились.

Прескучная дорога. Почь приближается, а мы еще далеко до *Веси*. Здѣсь говорятъ обыкновенно къ *Веси*, за *Весью*, а *Весьегонска* не услышишь ни отъ кого. Мракъ разпростерся. Я хотѣлъ было остановиться почевать у *Николы Раменья*, на послѣдней станціи: «ничего.... дойдимъ какънибудь» возразилъ мнѣ ямщикъ, а послѣ оказалось, что онъ даже не зналъ вовсе дороги, и служилъ вѣрно въ батракахъ. Онъ завезъ насъ Богъ знаетъ въ какія дебри. Тарантасъ качало со стороны въ сторону. Того и гляди, что опрокинешься. Не только слѣду, зги невидать. Мы перетрусились. «Эта и лпемъ наплачешься,» говорилъ онъ про себя. Такъ зачѣмъ же ты дуракъ поѣхалъ ночью? «Зачѣмъ.... посылаютъ!»

Мы вышли всѣ изъ тарантаса, и принялись искать дорогу, перекликаясь, среди мертвой тишины, и въ глу-

бочайшемъ мракѣ. Нѣсколько разъ принуждены были оставиваться, и прислушиваться, не послышится ли откуда лай собаки. Наконецъ, вынесъ насъ Богъ кое-какъ. Мы подъѣхали къ берегу рѣки. «Теперь я знаю дорогу,» сказалъ ямщикъ, «вотъ за эту наволоку мы тягаемся.» «Чортъ васъ возьми и съ вашей наволокою», отвѣчалъ я ему съ сердцемъ.

Вотъ и паромъ. Перевозчикъ былъ на другой сторонѣ.

Ну, сказалъ ямщикъ, Терентій не поѣдетъ теперь, онъ больно крутъ.

Мы принялись кричать. Ни слуху ни духу.

Вѣрно не слышитъ? «Нѣтъ, чай притворяется.»

Мы закричали въ четыре голоса. Наконецъ отозвался крутой, заплескала вода, двинулся паромъ и послышался голось, пѣніе: Тебѣ...ѣ...ѣ... на водахъ повѣ...ѣ...сившему всю землю.... Это пѣніе въ полголоса на рѣкѣ, среди мертвой тишины, въ глубочайшемъ мракѣ, было очень поразительно, и мы стали какъ вкопанные, слушая съ благоговѣніемъ священную нѣснь, пока наконецъ причалилъ паромъ, и мы переправились.

Ночевали у мѣщанина, содержателя станціи.

51. Первый визитъ къ приходскому учителю (уезднаго училища здѣсь нѣтъ). Живетъ въ вѣтхомъ домишкѣ. «Далеко ли отсюда до Сити?» Незнасть. Здѣсь не слыхать объ такой рѣкѣ. Къ Капитанъ-Исправнику. Тотъ же отвѣтъ. «На что вамъ эту рѣку?» На ней происходило знаменитое сраженіе съ Татарами. «Нѣтъ у насъ такой рѣки.» Помилуйте — въ нашихъ географіяхъ вездѣ стоитъ: Весегонскъ, въ уездѣ котораго протекаетъ рѣка Сить, при коей было сраженіе.... «Воля ваша, я знаю свой уездъ, какъ ладонь, и отвѣчаю головою, что у насъ Сити нѣтъ. Позвольте, позвольте, я слыхалъ о мѣстѣ одного сраже-

нія, но это должно быть гдѣ нибудь между Бѣжецкомъ и Кашиномъ. Тамъ еще и Князь убитъ?» Точно, тамъ убитъ Князь. «Такъ побзжайте въ Бѣжецкъ, и вы вѣрно найдете что вамъ угодно.» Прошу васъ покорно о предписаніи выдавать мнѣ обывательскихъ лошадей. «Съ большимъ удовольствіемъ, только вы побывайте еще у Окружнаго Начальника, и спросите себѣ такой же бумаги для казенныхъ крестьянъ.» Поблагодаривъ за извѣстія, я отправился къ Окружному Начальнику, и былъ принятъ также ласково, но о Сити все таки больше ничего не узналъ; только случившійся у него крестьянинъ указалъ мнѣ на Красный Холмъ, близъ котораго точно течетъ Сить.

Весьегонокъ городишко преблудившій. Потолкался на базарѣ. Женщины въ кокошникахъ о трехъ углахъ. Зашелъ въ Соборъ, и священникъ разсказалъ мнѣ о двухъ чудесахъ: какъ онъ давалъ на счастье золотить иконостасъ челоуьку ненадежному, а тотъ вызолотилъ на славу, а потомъ какъ губернаторъ былъ доволенъ имъ, и изъявилъ ему благодарность. Образъ Богоявленія долженъ быть очень древень. Дьяконъ разсказалъ объ немъ любопытныя вещи, но я неразберу въ дневникъ, привезъ ли его кто послѣ пожара изъ за рѣки и оставилъ въ Соборѣ, или онъ спасень былъ удивительнымъ образомъ, и доставленъ въ Соборъ.... Царскія двери достались по какому то случаю изъ Симонова Монастыря, коего сорокъ монаховъ здѣсь когда то жили. Тропарь Благовѣщенію номъщенъ на кружкахъ между четырьмя изображеніями.

Услышалъ названіе дороги Бѣлозерки, указывающей на древнее сообщеніе. Дуга отдаются *въ мытъ*, въ наемъ. Десять сноповъ называются *грудью*. *Шуль* — сало, мелкой ледъ, идущій по рѣкѣ. Я увѣренъ, что вездѣ можнобъ набрать любопытныхъ свѣдѣній, еслибъ оставаться дальше.

Побжали на *Красный Холмъ*. Цѣ дорогъ попадались ужасныя селенія, кровли раскрыты; стекло въ нѣтъ, углы

на боку, заборы развалились, — и какъ онѣ были строены — кто бокомъ, кто напередъ, кто назадъ.

Что это у васъ какая деревня, спросилъ я мужика. Да, батюшка, одна труба, четыре избы, а улицъ восемь, отвѣчалъ онъ. Очень смѣшно въ такой деревнѣ увидѣть было пожарные инструменты: ей больше опасности отъ воды, т. е. отъ дождя, чѣмъ отъ огня.

Предъ Краснымъ Холмомъ начинаются прекрасныя виды, съ горизонтомъ верстъ на сто или больше; самый городъ вѣрно получилъ названіе отъ этого мѣстоположенія.

Народу множество стояло на улицъ. Приступилъ съ вопросами о рѣкѣ Сити, но никто немогъ сказать ни слова. «Не выкапываются ли гдѣ оружіе или какія вещи?» Нѣтъ батюшка, не слыхатъ нигдѣ. Побѣжайте въ Бѣжецкъ. Побѣхали въ Бѣжецкъ.

Перѣехали рѣчку Неледу. Не отсюда ли произошла фамилія Нелединскихъ?

Верстахъ въ трехъ за городомъ увидѣли на дорогѣ большой монастырь. Дай спросимъ здѣсь, не узнаемъ ли что нибудь. Начали стучаться. Привратникъ пошелъ докладывать, и наконецъ воротился съ приглашеніемъ пожаловать къ Архимандриту. Мы нашли лобезнаго, образованнаго чловѣка, и принуждены были принять его предложеніе и ночевать у него. Прелюбопытный разговоръ о Томскѣ, о тамошнихъ народцахъ, и обращеніи ихъ въ Христіанство.

Монастырь называется Антоніевскимъ, но когда онъ построенъ, кто былъ этотъ основатель Антоній, гдѣ жилъ, когда скончался, и гдѣ погребенъ, неизвѣстно. Лишь только хранится въ народѣ память объ его добродѣтеляхъ, и жители ходятъ служить по немъ панихиды. Какъ это трогательно!

Товарищъ мой, отворивъ дверь на балконъ изъ отведенной намъ комнаты, увидѣлъ въ туманѣ свое изображеніе столь ясное, что испугался.

Сентября 1. Архимандритъ велѣлъ принести всѣ старыя бумаги, но я не нашелъ въ нихъ ничего любопытнаго.

О Сити ни отъ одного монаха не могъ узнать ничего. Что за странность. Куда дѣвалась рѣка Сить?

Обошли церкви—хоть разумѣется всѣ перестроены, но во всякой осталось хоть что нибудь древнее, такъ что знающій, умный человѣкъ можетъ по симъ остаткамъ возстановить и потерянное цѣлое. На стѣнахъ много древней живописи. Главная церковь основана, какъ достоверно извѣстно, около 1460 года. Узналъ, что здѣсь погребено много Нелединскихъ-Мелецкихъ. Слѣд. точно эта фамилія происходитъ изъ здѣшнихъ странъ. Разпрощались съ почтеннымъ Архимандритомъ, какъ старые знакомые.

Прежде нежели скажу что нибудь о *Бѣжецкѣ*, сдѣлаю общее замѣчаніе для Русскихъ путешественниковъ: если кому понадобится узнать въ какомъ городѣ о торговлѣ, о духовныхъ дѣлахъ, о промыслахъ жителей, объ историческихъ достопамятностяхъ, о дорогахъ, то долженъ прежде всего справиться, кто въ городѣ умной человѣкъ, и этотъ умной человѣкъ объяснить ему уже все, что угодно — о торговлѣ, о промыслахъ, достопамятностяхъ, дорогахъ, будетъ ли онъ протопопъ, или голова, или учитель, или чиновникъ.

Я отправился прежде всего на почту, но никто не могъ сказать мнѣ тамъ ни слова о Сити; въ училищѣ также не получилъ никакого свѣдѣнія. Меня взяла досада. Одинъ учитель, спасибо ему, повелъ меня наконецъ въ ряды къ знакомому купцу, который много ѣздилъ, и сей послѣдній разсказалъ мнѣ подробно, что сраженіе было на рѣкѣ Сити, около села Боженокъ, верстахъ въ сорока отъ *Бѣжецка*, а дорога къ нему такая-то....

Я обрадовался и спѣшилъ съ извѣстіемъ къ своему товарищу, который между тѣмъ побывалъ у смотрителя духовнаго училища, получилъ извѣстій еще больше, и звалъ меня опять туда же.

Препочтенный и прелюбезный человекъ, который далъ мнѣ два рекомендательныхъ письма къ священникамъ села Боженокъ и села Богословскаго, около которыхъ происходило сраженіе.

Оставалось дѣло за лошадьми. Почтовыхъ не даютъ въ сторону. Отправился съ открытыми своими листами къ капитану-исправнику. «Дома ли?» Дома. Доложи, что такой-то... И слышу отвѣтъ: скажи, что боленъ, и не можетъ принять. «Боленъ и не можетъ принять», пришелъ сказать мнѣ слуга. Дѣлать нечего, надо было искать лошадей у частныхъ людей.

Пожалуйте, отнесите о лошадяхъ къ такому-то, получилъ я совѣтъ. Гдѣ онъ? Тамъ-то.

Иду туда, и очень далеко, чрезъ рѣку. Нѣтъ его тамъ, и меня пересылаютъ назадъ.

Возвращаюсь. Бѣдутъ мимо дрожки-волочки. Баринъ одинъ одиноконекъ, править лошадыю, и качается на обѣ стороны. Я подумалъ: бѣднякъ сидѣть не можетъ, а ему еще надобно править. Казалось бы это новое дѣло должно было совершенно уничтожить его, а оно его спасаетъ: онъ держится на возжахъ. Я сталъ думать, гдѣ бы можно было употребить это выраженіе для сравненія.... Между тѣмъ какъ я размышлялъ такъ, я вижу—мой баринъ, подавшій предметъ для размышленія, падаетъ вдали съ дрожекъ. Я сиѣшу впередъ, но баринъ поднялся уже съ земли, весь въ пыли, какъ чучело, и садится опять на дрожки. Лошадь, слава Богу, стояла преспокойно. «Поѣзжайте съ нимъ до его дома», говорю я мимоидущему купцу, «иначе онъ разшибется до смерти.» Нѣтъ батюшко не наше дѣло, — вонъ онъ и съѣлъ, и поѣхалъ. Я иду своею дорогою, какъ прежде мнѣ было назначено, заворачиваю за уголъ, гляжу и мой знакомецъ слѣзаетъ съ дрожекъ у воротъ. Гдѣ живетъ такой-то? спрашиваю я мѣщанина, смотрѣвшаго, какъ тотъ переступаетъ или переваливается за порогъ. «Вотъ онъ батюшко, самъ на лицо!» Какого

было мое удивленіе! Я постоялъ въ раздумь передъ воротами, и пошелъ домой, повѣсивъ голову: достанешь ли лошадей теперь отъ такого молодца!

Потерявъ часа два, я обратился по указанію къ мещанину, который держитъ лошадей въ городѣ. Запросилъ разумется дорого, но должно было дать. Новая бѣда: сынъ у него гуляка, и его едва можно было найти въ два часа.

Осмотрѣлъ соборъ, гдѣ показали мнѣ образъ Преподобной Марѣы, данный знаменитою Марѣою-посадницею. Нѣтъ ли еще какихъ извѣстій о Марѣѣ? Есть, отвѣчали мнѣ, у купцевъ Неворотиныхъ.

Столбы сдѣланы колоннами, у коихъ архитравы подъ потолкомъ вызолочены, а сами выкрашены подъ мраморъ!! Иконостасъ хорошъ. Около образа Владимирской Божіей матери представлена въ лицахъ вся Исторія Тимерланова нашествія. Больше нѣтъ никакихъ остатковъ древности.

Входили на колокольню по согнившей лѣтницѣ, и съ колокольной площадки, безъ перилъ, любовались прекраснымъ видомъ на Зарѣчье.

Кто то сказалъ, что Бѣжичи, Бѣжецкъ, получили свое названіе отъ бѣглецовъ Новгородскихъ.

Нынешній Бѣжецкъ стоитъ въ 12 верстахъ отъ древняго. Нетолько людямъ, городамъ у насъ не посидится на мѣстѣ.

Здѣсь есть особый торговый языкъ.

Взглянулъ на свѣтское училище, а показать духовное училище не хотѣлось почтенному смотрителю, потому что домъ очень ветхъ.

Прежній землемѣръ, Г. Тельновъ, представилъ описаніе Бѣжецка Г. Губернатору, но гдѣ оно теперь, неизвѣстно. Есть собраніе рѣдкостей у Г. Невѣдомскаго.

Послѣ вечерень, возблагодаривши почтеннаго смотрителя духовныхъ училищъ за сообщенныя свѣдѣнія,

мы отправились съ отыскавшимся гулякою-извозчикомъ , который помчалъ насъ , что есть духу...

Рѣка Сить, вотъ наконецъ нащелъ я ее, беретъ свое начало „близъ села Сабурова (Тараканово тожъ, на большой дорогѣ изъ Бѣжецка въ Рыбинскъ , кажется на двѣ версты), въ полверстѣ отъ церкви, изъ зыбели (болота), малымъ ручьемъ. Мы взяли у священника чашку, поднялись нѣсколько въ истоку, и выпили воды въ память о Великомъ Князѣ Георгіѣ Всеволодовичѣ , и воевъ его , отъ Татаръ побѣжденных.

Въ самое жаркое лѣто , сказадъ священникъ , хоть ниткой течетъ она , а никогда не пересыхаетъ.

За поворотомъ съ большой дороги, мы блуждали нѣсколько времени , но пришла въ голову благая мысль взять провожатаго изъ одной деревни , и мы добрались благополучно, хотъ и очень поздно, до Села Богословскаго, гдѣ указано намъ было получить первыя свѣдѣнія.

Все село спало, мертвымъ сномъ. На силу достучались въ домъ Священника. Послыщался женскій голосъ : Чего надо ? Священника. На что ? Нужно. Нѣтъ дома. Гдѣ же онъ ? Въ городъ поѣхалъ. Мы сами изъ города , его тамъ нѣтъ. Молчаніе.

Черезъ пять минутъ отпираетъ калитку самъ Священникъ и приглашаетъ войти. Подаемъ письмо отъ зрителя, — и извиненіямъ не было конца, а потомъ радованіямъ.

Самоваръ !

Позвольте батюшка прежде всего объясниться о дѣлѣ. Гдѣ было такое-то сраженіе ? Въ селѣ Боженкахъ, въ верстахъ 8 отсюда. А у васъ объ ванихъ мѣстахъ что слышно примѣчательнаго ? У насъ нѣтъ ничего. Близко есть село Всеславино или Сеславино , гдѣ жилъ какой то Князь Всеславъ. Есть пруды, выкладенные бѣлымъ камнемъ. Много слуховъ о кладахъ. Однажды мужики дорылись до погреба, и услышали тамъ, какъ будто вдругъ цѣлое войско двинулось, — испугались и бросили.

Добрые люди напоили, и накормили насъ, и уложили спать въ сараѣ на сѣнѣ, гдѣ мы расположились побарски.

2. Чѣмъ свѣтъ поднялись мы въ Боженки, въ сопровожденіи дьячка, даннаго Священникомъ. Земля усажена буграми, какъ хлѣбами. Подъѣзжая къ сему, увидѣли на берегу рѣки нѣсколько кургановъ.

Такъ вотъ гдѣ было несчастное сраженіе или лучше пораженіе. У самой церкви возвышается огромный курганъ сажень въ пять вышиною. Народъ высыпалъ смотрѣть на насъ. Какъ Богъ принесъ васъ сюда, спросилъ Священникъ, сюда и воронъ костей не заносить.

Вотъ куда былъ притѣсненъ несчастный Георгій Всеволодовичъ!

Мы тотчасъ же вступили въ разговоръ съ Священникомъ.

Точно по всеобщему преданію здѣсь было сраженіе. «Не знаете ли мѣста гдѣ погибъ Великій Князь?» Какже, у Сидоровскаго ручья. Онъ видно хотѣлъ спастись по этой дорогѣ, самая узкая, но его настигли Татары, и убили. «А другой старикъ сказаль, что у Калинина ручья.» Кругомъ насъ вездѣ болота, и дальше пробхать никуда нельзя. А ворота къ намъ одни; это — дорога, по которой вы прѣхали.

Слѣдовательно Георгій Всеволодовичъ попалъ сюда отъ Углича, а въ Угличъ отъ Ростова, или такъ Татары, а онъ прежде могъ отъ стороны Суздаля, Колязина и Кашина. Лѣтонисцы говорятъ глухо объ нхъ пути.

Село Боженки, помѣщицы Ратаевой, находится теперь верстахъ въ 30 отъ Бѣжецка, 60 отъ Кашина, 50 отъ Краснаго Холма, 10 отъ большой дороги въ Рыбинскъ, слѣд. на границѣ уѣздовъ Бѣжецкаго, Кашинскаго и Мышкинскаго. Гдѣ то называется село Божинъ городкомъ. Не вдалекъ также на берегу Сити, есть село Могилыцы, съ курганами. Село Шелтошишь, такъ я разбираю это слово въ своей тетрадь.

Одинъ берегъ Сити повыше другога, но она здѣсь еще очень неширока, а весной разливается широко. Мы обошли ровное поле, простирающееся по другому ея берегу.

Церковь бѣдная, деревянная, коей одинъ придѣлъ посвященъ великому Князю Георгію, впрочемъ не въ древности. Какой то старикъ являлся вѣльсу ихъ одному крестьянину во время голода, и упрекнулъ ему, «за чѣмъ де вы не молитесь вашему угоднику, Князю Георгію, оттого у васъ и хлѣба мало.» Крестьянинъ воротясь сказалъ своимъ товарищамъ, и они сообща посвятили одинъ придѣлъ вмѣсто (кажется) Николая Чудотворца Князю Георгію, которому съ тѣхъ поръ празднуютъ и служатъ молебны.

Собравъ крестьянъ, мы начали разрывать курганъ. Аршинахъ на двухъ нашли нѣсколько волосъ, нѣчто въ родѣ горшка, нѣсколько костей, *) (а послѣ священникъ прислалъ мнѣ частицу цѣпочки, и увѣдомлялъ, что нашель три черепа). Предъ нашимъ прїездомъ умеръ одинъ старикъ слицкомъ ста лѣтъ, который много рассказывалъ о старомъ времени. Оставшіеся были несловоохотны, и я насилу упросилъ одного показать мнѣ косарь, сдѣланный имъ изъ найденнаго оружія. Впрочемъ находокъ бываетъ мало, кромѣ крестовъ (изъ коихъ я получилъ послѣ два). Преданій и пѣсень никакихъ нѣтъ. Попросивъ священника увѣдомлять обо всемъ, что ему узнать случится, мы отправились.

Бѣхали десять верстъ болотами, кои теперь нѣсколько пересохли, и съ большимъ трудомъ мы выбрались на большую дорогу въ селѣ *Задорьѣ*.

Найдя село *Боженки*, я какъ будто легъ на лавры въ своемъ тарантасѣ, и не могъ удѣлять ни чему вниманія. Впрочемъ до дорогъ ничего не было примѣчатель-

*) Я тогда не догадывался еще, что надо разрывать курганы въ разрѣзъ, или съ боку, а не сверху.

маго, развѣ кромѣ прекраснаго помѣстья, кажется, господъ Кобылиныхъ, также на берегу Сити. Вечеромъ прѣехали въ богатое село.... гдѣ я раздумалъ было, не заѣхать ли въ Угличъ, и посмотреть на дворецъ Дмитрія Ивановича. Нѣтъ — Угличъ я осмотрю когда нибудь вмѣстѣ съ Кашинымъ и Калязинымъ, а теперь домой — черезъ Рыбинскъ, куда и прѣехали мы рано утромъ.

5 числа, Прекрасной городъ. Множество превосходно отстроенныхъ домовъ, но древняго ничего, хотя рыбная слобода упоминается очень рано. Смотритель училища удостоверялъ меня, что нѣтъ здѣсь ни собирателей, ни охотниковъ до древностей. Взглянулъ съ колокольни на соединеніе Шексны и Волги. Барокъ очень много въ пристани и движеніе замѣчательно; жить здѣсь дорого. Побывалъ на биржѣ, въ училищѣ, и нанявъ лошадей, мы помчались въ Ярославль, по прекрасной дорогѣ, осѣненной цвѣтущими березами, служащими памятниками знаменитому устройтелю Ярославскихъ дорогъ, бывшему Губернатору К. М. Безобразову. Ярославль въ 60 верстахъ отъ Рыбинска, но мы примчались до вечеренъ.

Остановились на постояломъ дворѣ, точь въ точь какъ описанный у Гоголя!

Къ сожалѣнію не засталъ своего товарища, Пр. З., — ни ученика — Учителя П. Другой Профессоръ, Г-нъ О. взялся быть моимъ путеводителемъ. Мы объѣхали городъ по всемъ главнымъ улицамъ. Это чуть ли не изъ лучшихъ въ государствѣ: отличныя строенія, и много воздвигается новыхъ. Прекрасный видъ на Волгу! Прекрасная площадь! Въ архитектурѣ церквей есть много примѣчательнаго. «Гдѣ здѣсь древнѣйшая церковь?» Вотъ это, Св. Иліи, но въ ней все вчерашнее, судя по наружности. Древняго осталось только мѣсто. Въ ближнемъ оврагѣ стоялъ недавно столпъ съ надписью, что тутъ Ярославль убилъ медвѣдя. Не этотъ ли медвѣдь попалъ въ гербъ Ярославскаго намѣстничества.

Осмотрѣлъ лицей, классы, спальни, залы. Воспитанниковъ кажется 50, а въ домѣ можно помѣстить тысячу! Думалъ о Лицее, какъ факультетъ Естественныхъ Наукъ, коимъ такъ преданъ былъ незабвенный основатель, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, и тотчасъ предсталъ мнѣ въ воображеніи Бреславскій Профессоръ Пуркинъ, родомъ Чехъ, съ своими оригинальными и обширными мыслями объ этомъ дѣлѣ. Какое щедрое и вмѣстѣ благородное приношеніе Демидова. Любопытно было бы сравнить плоды его съ положенными сѣменами. Студенты сидятъ за Тацитомъ; я спросилъ ихъ, какъ звали Демидова, когда онъ родился и гдѣ онъ умеръ. Разспрашивалъ объ отношеніяхъ персонала Гимназическаго и Лицейскаго къ Обществу.

Объ Ярославскихъ Князьяхъ, съ означеніемъ ихъ потомковъ, и краткими примѣчаніями, вышла недавно очень хорошая таблица Г. Серебрякова. Еще какой-то Г. Серебряковъ написалъ Исторію города Ярославля, но я не нашелъ его дома.

Отложилъ свое намѣреніе вѣхать въ Тольской Монастырь, въ коемъ новой иконостасъ такъ понравился Пресвященному Иннокентію.

Засвидѣтельствовалъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ свое почтеніе Высокопреосвященному Евгенію, одному изъ старшихъ іерарховъ церкви Россійской, и въ краткомъ разговорѣ услышалъ много справедливаго о различіи въ характеръ нынѣшняго Духовенства съ древнимъ, и его причинахъ — а потомъ долженъ былъ рассказать ему о богослуженіи Католическомъ въ Римѣ.

Въ Ярославлѣ я расстался съ своимъ любезнымъ спутникомъ Г-мъ С., онъ отпирался въ Вологду, а я въ Москву. Онъ усладилъ мое путешествіе, и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній, за кои здѣсь я свидетельствую ему искреннюю свою благодарность. Въ полночь мы напались съ нимъ вмѣстѣ чаю въ послѣдній разъ. Подоспѣлъ кстати ученикъ мой Г-нъ П., и я дополнилъ свои свѣдѣнія объ ученой жизни Ярославля.

Отъ Ярослава до Москвы устроена прекрасно сдаточная ѣзда, по опредѣленной таксѣ. Вы заплатите деньги въ одномъ мѣстѣ и ѣдете спокойно, безъ задержекъ до другаго. По другимъ дорогамъ всякой разъ надо торговаться, и потомъ, сколько времени пропадаетъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ.

4. На первой станціи имѣлъ случай удивиться силѣ и дерзости Русскаго народа. Извозчикъ по какой-то причинѣ поѣхалъ въ объѣздъ, (что всѣ они любятъ). Мы выѣзжаемъ наконецъ на большую дорогу уже у самаго села, гдѣ другая станція, и видимъ, что она загорожена бревнами, предлинными и претолстыми. Несчастнѣйшій такъ и обмеръ, но дѣлать нечего: надо было оттащить бревна. Побранилъ онъ,.... разумеется не себя, раздѣлся и принялся ихъ отваливать. Потъ катился съ него градомъ. Что это за работа была! Откуда взялась у него сверхъестественная сила! Наконецъ онъ отволокъ послѣднее бревно, промучась съ полчаса. Поѣхали... новое затрудненіе! Канавою дорога прокопана такъ глубоко, что переѣхать нѣтъ возможности. Извозчикъ издалъ нѣсколько глухихъ восклицаній! О какъ мнѣ было жалко его! Онъ всталъ опять съ козель, и пошелъ за бревнами, застилать ими яму. «Разбуди дуракъ когонибудь изъ мужиковъ, чтобъ они помогли тебѣ.» «Нельзя, батюшка, они прибьютъ меня, за чѣмъ не ѣхалъ по дорогѣ.» Онъ началъ опять таскать бревна. На шумъ, произведенный тасканьемъ, отворила окошко баба, и, видно милосердье своего мужа, сказала извозчику, гдѣ ему найдти бревенъ по короче. Совѣтъ ея очень тронулъ меня.

Къ обѣднѣ прибъхали мы въ древній *Ростовъ*. Осмотрѣлъ Соборъ и окружающія церкви, поражающія своею древностію вмѣстѣ съ башнями и стѣнами, кои обваливаются и совершенно разрушаются. Мы хлопочемъ о сохраненіи мѣлкихъ памятниковъ, а сколько большихъ, на виду, погибаетъ неподдержанныхъ. Въ Соборѣ полъ

поднять въ прошедшемъ столѣтїи, и какъ бы вы думали, по какой причинѣ : Архіерею тогдашнему показалось въ Соборѣ тѣсно , потому что по стѣнамъ стояли гробницы святителей и князей (можетъ быть съ надписями); онъ и велѣлъ прежній полъ засыпать землею, и поднять до верховъ наравнѣ съ гробами , которые были накрыты. Въ Соборѣ найденъ не давно древній ходъ , когда-то закладенный, но оставленъ кажется безъ изслѣдованія; можетъ быть тамъ найдутся какія нибудь рукописи. Этой сторонѣ посвящу я когда нибудь особенно недѣли двѣ , а теперь нечего и приниматься.

Оглянуль училище и попросилъ Смотрителя поразсѣдывать объ одной харатейной лѣтописи , которая , по полученнымъ мною свѣдѣніямъ , непременно должна находится въ Ростовѣ.

Заѣхалъ въ Яковлевскій монастырь приложиться къ мощамъ знаменитаго Дмитрія Ростовскаго. Это одно изъ благотворнѣйшихъ свѣтилъ Русской церкви. Поклонился могилѣ добродѣтельнаго Амфилохія , котораго я помню , и доставилъ отцу Архимандриту Иннокентію чашечку отъ Преосвященнаго Иннокентія , принадлежавшую какому-то его благодѣтелю.

Въ *Переславль*, первомъ прїобрѣтенїи Москвы, были мы поздно вечеромъ. Поѣлъ въ трактирѣ свѣжихъ сельдей, и, разбудивъ Смотрителя, живущаго въ чистенькихъ и опрятныхъ комнатахъ , осматрѣлъ древній Соборъ Переславскій при свѣтѣ фонаря, походилъ по валу, и поѣхалъ далѣе часу въ 1 ночи.

5 *Пятница*. Къ разсвѣту прїѣхалъ въ *Александровъ*. Верстахъ въ четырехъ отъ него находится такъ называемая *Старая слобода* , которую почитаютъ иные первымъ мѣстомъ города и пребываніемъ Царя Ивана Васильевича , но я не понимаю съ какимъ основаніемъ.

Отдохнувъ немного, я отправился тотчасъ въ Успенскій Девичій монастырь, и осмотрѣлъ знаменитыя ворота времени Калитиныхъ: Костромскія (см. выше) совершенно похожи на нихъ. Незнаю, много ли моложе и Кирилловскія (ib.)

Спросилъ о кожаныхъ деньгахъ, значащихся въ здѣшней ризницѣ по извѣстію Карамзина, но ихъ давно уже нѣтъ, по словамъ монахини, которая вообще показывала мнѣ вещи съ какимъ-то неудовольствіемъ и торопливостію, и мнѣ стало совѣстно беспокоить ее больше. Впрочемъ здѣсь кажется нѣтъ ничего древнѣе царскаго періода. Въ чужихъ краяхъ жвастаются своими сокровищами, и стараются показывать ихъ всякому встрѣшному, а у насъ ихъ прячутъ. Наконецъ уже попалась нечаянно Московская уроженка, которая изъяснила мнѣ болѣе расположеніе, и выводила меня по всему монастырю. Монастырскій дворъ занимаетъ огромное пространство. Въ углу, подлѣ Успенской церкви, находятся Іоанновы кельи, въ два жилья, но низкія, тѣсныя, съ сводами. Ходъ изъ нихъ прямо въ церковь. Гдѣ буйствовалъ Грозный, тамъ живетъ теперь смиренная монахиня. Я не понимаю, гдѣ могла помѣщаться здѣсь его многочисленная свита! Развѣ въ какихъ деревянныхъ строеніяхъ, теперь не существующихъ. Не надо забывать, что монастырь при Іоаннѣ былъ мужескій, а для женскаго пола опредѣленъ уже гораздо послѣ.

Подъ колокольною находятся кельи сестеръ Петра I, Маргариты и Федосьи, объ коихъ у насъ нѣтъ почти и помину. Онѣ завѣщали похоронить себя вмѣстѣ съ прочими монахинями, но Петръ велѣлъ перенести ихъ тѣла въ особую усыпальницу.

Во всѣхъ церквахъ есть много древнихъ образовъ; особенно замѣчательно Успеніе. Монахини не могли сказать мнѣ ничего болѣе.

Я обратился послѣ къ хозяину постоялаго двора, и разспрашивалъ его о мѣстѣ дворца Іоаннова. Послѣ

разныхъ отрицаній, онъ упомянулъ мимоходомъ, что за монастырскою оградою въ одномъ мѣстѣ есть много щебня. Я велѣлъ ему вести себя туда, и вмѣстѣ съ уезднымъ учителемъ Г-мъ Солюьевымъ, осмотрѣлъ это мѣсто, находящееся теперь подъ огородомъ. Точно есть кирпичи и бѣлой камень, но не на большемъ пространствѣ; можетъ быть остальной засыпанъ, — признаки фундамента. Примѣтны слѣды прудковъ и погребовъ. Говорятъ, что были и подземные ходы. Вѣроятно здѣсь былъ дворецъ и садъ. Старики помнятъ еще кусты смородины, крыжовника, малины. Стѣны монастырскія напоминаютъ Иоанна своею мрачностію.

Вся слобода окружена была валомъ, которой сохранился отчасти до сихъ поръ. Его надо бы срисовать.

Была еще огромная плотина изъ бѣлаго камня, кою запиралась рѣка.

Вотъ и всѣ слѣды Иоанновы въ этой страшной слободѣ Александровской. Къ нимъ причислить надобно нѣкоторыя собственныя имена, напр. невдалекъ гора Ликоуша (отъ ликовать), куда во время зноя Царь приказывалъ пускать жеребцовъ. Въ другой сторонѣ Пьяная мельница, Царева гора. Одна улица, также близъ монастыря, называется Гольяны.

Другія имена напоминаютъ только пребываніе царское: одна часть города называется коровимъ дворомъ, другая — садовая, старая конюшня, воловья слобода, холопово.

Грозный приказывалъ, говорятъ, исполнять свои наказанія на зарѣ, послѣ заутрени; исполнители его назывались зорниками, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе нѣкоторые Александровскіе граждане.

Здѣсь жила Императрица Елизавета и ѣзжала отсюда на охоту.

Въ Александровѣ есть нѣсколько образованныхъ и любознательныхъ фабрикантовъ и торговцевъ, П. О. Ба-

рановъ, В. И. Зубовъ.... Я заходилъ къ нимъ и просилъ развѣдать между рабочими, нѣтъ ли какихъ пѣсенниковъ, что они съ любезною готовностію и общались исполнить.

Есть охотники до Исторіи и между мѣлыми торговцами, которыхъ, къ сожалѣнію, я не засталъ дома.

Въ вечерни пріѣхалъ въ *Троицкую Лавру*, поклонился Святому Сергію, могила котораго никогда неостается безъ богомольцевъ, — и въ Академію, съ ¹которою я какъ будто породнился, во время говѣнія здѣсь въ 1840 году. Отецъ Ректоръ, отецъ Инспекторъ, нѣкоторые Профессоры обрадовались мнѣ искренно, и съ первыхъ словъ сообщили мнѣ извѣстіе о драгоцѣнностяхъ ими найденныхъ, — проповѣдахъ Серапіона, вѣроятно Епископа Владимирскаго, говѣренными имъ сорокъ лѣтъ послѣ Батыева нашествія. Мы прочли ихъ вмѣстѣ: кромѣ древности, кромѣ любопытнѣйшихъ извѣстій о древней мифологіи, за которую укоряетъ проповѣдникъ, и которую считаетъ одною изъ причинъ наказанія Божія чрезъ иноплѣменниковъ, проповѣди примѣчательны своимъ краснорѣчіемъ, искреннимъ, сердечнымъ. Чувствуешь, что проповѣдникъ плачетъ говоря свои слова. Скоро ли издадутся эти драгоцѣнности *. Какое прекрасное образованіе было у насъ, и гдѣ оно?

Къ полуночи я былъ уже въ Москвѣ.¹

* Онѣ были напечатаны въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ, перваго года.